

13. Marshrut «Pobeda». Novosergievskij rajon. Orenburgskaja Oblast' / Sost. G. D. Devjataeva, I. P. Iwenko, S. V. Burovceva, A. M. Pogrebnoj. Novosergievka: GUP «Redakcija Novosergievskoj rajonnoj gazety «Golos glubinki», 2010. 32 s.
14. Moskva i Velikaja Pobeda. M.: «Pamjatniki Otechestva, 2000. 291 s.
15. *Ozhegov S. I.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Pod red. prof. L.I. Skvorcova. 26-e izd., ispr. i dop. M.: OOO «Izd-vo Oniks»; OOO «Izd-vo «Mir i Obrazovanie», 2009. 1360 s.
16. Orenburgskaja panorama pamjati // Orenburzh'e. 2005. 7 maja.
17. Perechen' pamjatnyh mest i sooruzhenij Orenburgskoj oblasti, posvjashchennyh Velikoj Otechestvennoj vojne (1941–1945 gg.): Nauch.-sprav. izd. / Avt.-sost. V. A. Rubin. Orenburg: Pechatnyj dom DIMUR, 2010. 327 s.
18. Pis'mo general'nogo direktora GUP Orenburgskoj oblasti «Oblastnoj centr inventarizacii i ocenki nedvizhimosti» A. I. Kudinova rukovoditeljam filialov ot 01.04.2010 g.
19. Progulki po vojne // Orenburzh'e. 2005. 5 maja.
20. Rasporyzhenie Gubernatora Orenburgskoj oblasti № 418-r ot 04.09.2008 g. «O prisuzhdenii grantov dlja tvorcheskih kollektivov, dejatelej kul'tury i iskusstva Orenburgskoj oblasti v 2008 godu».
21. Reestr pamjatnyh mest, posvjashchennyh Velikoj Otechestvennoj vojne [JElektronnyj resurs]: inform. baza / Avt.-sost. V. A. Rubin, A. V. Fedorova. Orenburg, 2010. Rezhim dostupa: <http://www.mininform.orb.ru> (razdel «Kul'tura»).
22. Rekomendacii parlamentskih slushanij na temu: «Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v sfere uvekovechenija pamjati pogibshih pri zashchite Otechestva» ot 15.06.2010 g. (rassmotreny i utverzhdeny na zasedanii Komiteta Gosudarstvennoj Dumy po delam veteranov 30.06.2010 g. Protokol № 51. Predsedatel' Komiteta – N. D. Kovalev). 9 s.
23. «Saljut, Pobeda!». Vystavochnyj kompleks Orenburgskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja: buklet / Sost. D. M. Eremin. Orenburg: RPF «Palitra», 2007. 21 s.
24. Svet Velikoj Pobedy. Pamjatniki i pamjatnye mesta Volgograda i Volgogradskoj oblasti. Volgograd: Izd. gruppa «Vika-pljus», 2007. 380 s.
25. Spisok pamjatnikov istorii i kul'tury Orenburgskoj oblasti / Sost. R. K. Marchenko, N. N. Karjukina. Orenburg: Tip. izd-va «Juzh. Ural», 1987. 102 s.
26. Stat'ja 225 Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federacii, posredstvom priznanija nedvizhimyh objektov beshoznymi i oformlenija na nih prava sobstvennosti;
27. Federal'nyj zakon «Ob objektah kul'turnogo nasledija (pamjatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii» № 73-FZ ot 25 ijunja 2002 g.; Zakon Orenburgskoj oblasti «Ob objektah kul'turnogo nasledija (pamjatnikah istorii i kul'tury) v Orenburgskoj oblasti» № 495/67-III-OZ ot 6 oktjabrja 2003 g.
28. JEkskursiju provel gubernator // Juzhnyj Ural. 2004. 11 dek.
29. Juzhnyj Ural v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / Pod red. A. V. Fedorovoj. Orenburg: IPK OGU, 2005. 272 s.

Л. И. Мишурина

ПОЛОТЕНЦЕ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТАТАР-МУСУЛЬМАН ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ (XIX — начало XX века)

Полотенце является распространенным атрибутом, используемым в свадебном цикле татар Поволжья и Приуралья. В исследуемый период оно выступало чаще всего как элемент обмена в ритуалах взаимного одаривания между семьями жениха и невесты, а также участвовало в маркировке особого статуса отдельных персонажей свадьбы и обрядовом оформлении нового для невесты дома. Символическое и просто самостоятельное значение этот предмет приобретал только в отдельных обрядовых актах, таких как сватовство и украшение дома мужа. В составе ритуальных даров полотенце легко могло быть заменено элементом женского или мужского костюмного комплекса, отрезом ткани или головным платком. Вероятно, при одаривании мужчин

этот предмет пришел на смену рубахе. Факт частого присутствия как полотенца, так и головных платков в актах дарения женщинам может свидетельствовать о том, что эти предметы заменили в ритуале женский полотенчатый головной убор.

Ключевые слова: полотенце, свадьба, татары, регион Поволжья и Приуралья.

L. Mishurinskaya

THE TOWEL IN WEDDING CEREMONIES OF THE TATAR MUSLIMS OF THE VOLGA AND URAL REGIONS (XIX — EARLY XX CENTURIES)

The towel is a common attribute used in the wedding cycle of the Tatars of the Volga and Ural regions. During the period investigated it was most often used as an element of exchange in the rituals of mutual bestowing between the families of the bride and groom; it also contributed to the marking of the special status of individual characters of the wedding and to the ritual of furnishing the bride's new home. This object gained symbolic and self-important meaning only in some ritual acts, such as match-making and decoration of the husband's house. As a part of the ritual gifts, the towel could easily be replaced by the element of the male or female costume complex, a piece of fabric or a headscarf. Probably, as a part of men's present this article replaced the shirt. The fact of the simultaneous presence both towels and headscarves in acts of giving presents to women can testify that these items replaced the female headdress in the ritual.

Keywords: the towel, the wedding, the Tatar, the Volga and Ural regions.

Одним из текстильных изделий, используемых в комплексе обрядов жизненного цикла у народов Восточной Европы, является полотенце. Знаковые свойства этого артефакта неоднократно становились объектом исследований, проводившихся на восточнославянском или финно-угорском материале [15; 12; 2]. Холст с краями, орнаментированными посредством ткачества, вышивки или нашивок, является распространенным атрибутом, используемым в ритуальной практике татар Поволжья и Приуралья и, в частности, в свадебной обрядности.

В первую очередь полотенце маркировало статус свата: приходя в дом, он помещал его на стул и садился сверху, чем обозначал цель визита [36, с. 340; 31] (у мишарей темниковской группы могли заменить полотенце шапкой [26, с. 157]. Полотенце (иногда полотенчатый головной убор) использовалось для обозначения факта достижения первичной договоренности между брачующимися сторонами (казанские, чепецкие татары, различные группы мишарей) [37, с. 239; 26, с. 158; 17, с. 107; 42, с. 81]. Во

время сговора или сватовства всем сватам или одному из них давали по полотенцу. Можно сказать, что подарок свату — одна из основных функций полотенца в свадебном ритуальном комплексе у всех групп татар. Для чепецких татар этот символ был настолько обязателен, что даже в случае умыкания невесты тому, кто отправлялся к родителям девушки с сообщением, где находится их дочь, делали такой подарок. Получение полотенца означало, что взаимные претензии устранены [17, с. 107]. Использование этого атрибута в обозначенном контексте было обязательным и у башкир [8, с. 24]. Астраханские татары свату в знак согласия передавали полотенце, головной платок или отрез ткани, однако зажиточная часть населения в подобном случае дарила предметы одежды [3, с. 90; 5, с. 111]. Полотенце, платок, головное полотенце, пояс или просто холст как задаток сватам, получившим согласие на брак, известен в свадебной обрядности марийцев, чувашей и восточных славян [27, с. 270; 23, с. 22,79; 21, с. 46]. Для народов Средней Азии характерно использование в аналогичных ритуаль-

ных действиях предметов одежды [18, с. 79,83; 1, с. 248; 4, с. 2].

В ряде случаев в качестве свата мог выступать кто-либо из родителей жениха (пермские, астраханские, касимовские, чепецкие татары) [29, с. 128; 5, с. 133; 42, с. 81; 17, с. 123, 124]. Иногда этот подарок с самого начала был предназначен не для сватов, а для передачи жениху и/или будущим свекру и свекрови (астраханские, касимовские татары) [5, с. 111; 42, с. 81]. Невеста могла вручать полотенце родителям жениха и в другое время — при переезде с вещами в дом мужа или после ночи, проведенной в новом месте. В некоторых населенных пунктах, где проживают татары лямбирской группы, преподносили такой подарок даже в том случае, если отец жениха умер — в числе прочих даров родственникам сироты дарили полотенце, предназначенное как бы для него (в случае смерти матери — передавали головной платок) [31]. Чепецкие, казанские, татары-мишари правобережья Волги при встрече снохи в доме мужа совершали специальный обряд: подводили телку, предназначенную в подарок молодой, в ответ женщина вешала на рога животного полотенце как подарок для свекрови или рубашку для свекра [6, с. 28; 37 с. 242, 244; 28, с. 78, 80, 83]. В то же время чаще подарками для родителей жениха служили рубашки или материал для их пошива, а также головные уборы — платок, иногда тюбетейка [6, с. 22; 42, с. 113–114, 31]. У русских, чувашей, а также финно-угров Поволжья в качестве подарков в том же контексте выступали рубашки и головные уборы [20, с. 118, 121; 25, с. 74; 23, с. 23–24]. Для народов Средней Азии и башкир в аналогичных ритуальных актах характерно появление предметов верхней одежды и головных уборов [18, с. 83, 91, 93; 7, с. 70; 32, с. 218, 220]. Не исключено, что и для татар полотенце как дар родителям мужа — явление относительно позднее, и этот артефакт вытеснил другие предметы, выполненные из ткани, или собственно холст. Нельзя не отметить также, что в

состав этого типа подарка у чепецких и астраханских татар мог входить коврик для совершения намаза [28, с. 77, 82; 5, с. 138], и тогда функция исследуемого предмета обозначалась как полотенце для омовений.

Полотенце для жениха встречается не только как знак согласия на брак [5, с. 111], о чем уже упоминалось, но также как часть свадебного дара от невесты или ее родителей [28, с. 77, 78]. В целом одаривание самого жениха этим предметом присутствует не у всех групп татар. Это отличает татарскую свадебную традицию от русской, чувашской или марийской [33, с. 228; 30, с. 157; 34, с. 167]. Кроме того, нет указаний на то, что татарский жених должен носить этот предмет при себе во время свадебных торжеств. В то же время в Предволжье, Предкамье, Закамье и Приуралье подарок невесты жениху включал наголенники из полотна с украшенными вышивкой или ткачеством концами (**кияу чолгавы**), которые мало отличались от других полотенец по декоративному оформлению [35, с. 81]. Ими обертывали голени ног, выпуская орнаментированные края поверх сапог. Женихи получали наголенники от невесты вместе с костюмным комплексом [6, с. 25; 29, с. 131; 28, с. 82; 39, с. 162]. Таким образом, свадебные наголенники можно атрибутировать не только как составную часть костюма, но и как маркер особого статуса жениха. Одновременно с этим не следует также исключать того, что жениху, как и его родителям, дарили полотенце для омовений [28, с. 78].

Связь между исследуемым предметом и религиозной составляющей свадебного цикла иллюстрирует традиция, зафиксированная автором у татар сергачской и лямбирской групп. В ряде населенных пунктов информаторы отмечали необходимость наличия полотенца при проведении обряда религиозного бракосочетания — **никах**. Этот предмет, так же как мыло и воду, должна была принести родственница невесты. После никаха молодые умывались и вытирались этим полотенцем [31]. Ряд риту-

альных действий бережного характера с упомянутыми выше мылом и водой совершались повсеместно. Вероятно, полотенце здесь оказывалось одним из предметов, связанных с защитным воздействием никаха и, по народным представлениям, аккумулирующим благотворное воздействие религиозного ритуала.

Полотенца использовали в процессе обмена дарами между родственниками жениха и невесты, который должен был привести к ритуальному породнению двух семей. Такие действия совершались во время предсвадебных обрядов, свадебных пиров и иногда — во время послесвадебных посещений молодоухой родственников мужа [6, с. 25, 28; 28, с. 75, 81; 17, с. 114, 124; 39, с. 162]. Причем полотенца как дары не являлись исключительной прерогативой невесты и ее родовой группы, что также отличает татарскую свадебную традицию от русской или мордовской [23, с. 22, 26–27; 16, с. 120, 122]. Эти предметы могли быть переданы также стороной жениха, в том числе как ответный дар [31; 17, с. 122, 124]. Платки и полотенца использовали в качестве подарка родне жениха родственники невесты у мордвы [14, с. 101–103], у марийцев, чувашей в этой роли могли выступать полотненчатые головные уборы или просто холст [20, с. 118, 120; 21, с. 46]. Тюркоязычные народы в обрядах взаимного одаривания использовали отрезки ткани, платки, иногда — тубетейки (мужчинам) и верхнюю одежду [4, с. 14, 17; 13, с. 76, 79; 9, с. 83; 18, с. 81, 83; 7, с. 70–71, 76; 10, с. 328; 32, с. 219–220]. Можно сказать, что полотенце не являлось обязательным атрибутом ритуала взаимных одариваний и у татар. Характер подарков находился в прямой зависимости от уровня состоятельности дарителей. Источники начала XX в. утверждают, что менее обеспеченные невесты дарили родственникам жениха полотенца, рубахи, платки, а более состоятельные — халаты [19, с. 25; 6, с. 25, 28]. В качестве общей характеристики свадебного даробмена можно привести слова одного из

информаторов, который отмечал как главную его особенность необходимость соответствия взаимных подарков по цене и качеству [31].

Другой аспект использования этого атрибута в обрядах взаимного одаривания сводится к тому, что полотенца чаще получали не самые близкие родственники — сестры, братья, дядья, тетки, снохи. Их могли получать участники свиты жениха, дружка, кучер (пермские, сергачские, касимовские татары) [29, с. 130; 31; 42, с. 85], музыканты (пермские, глазовские татары) [29, с. 130, 132; 17, с. 113]. Иногда полученные вещи участники свадьбы повязывали на себя на время торжеств, обозначая таким образом свой статус. Одаривание полотенцами дружки или всей дружины жениха является широко распространенной традицией в составе свадебного цикла у соседей татар, в первую очередь у русских, а также у марийцев, чувашей, башкир [25, с. 74; 21, с. 46; 8, с. 72]. В то же время материалы по восточным славянам, в частности русским, демонстрируют несколько отличный подход — наименее близким родственникам, а также второстепенным персонажам свадьбы дарили только платки, полотенца, холст, зачастую не лучшего качества [23, с. 24]. Полотенца близким родственникам мужа дарили обязательно, несмотря на другие подарки из ткани [16, с. 138].

Полотенцем могли украшать дугу лошади, на которой везли молодых. Его забирал себе хозяин лошади или повозки (сергачские, темниковские, касимовские, тулвинские татары) [26, с. 164; 31; 39, с. 164; 42, с. 85]. В то же время достаточно ранние материалы по свадебной обрядности казанских татар свидетельствуют о том, что, возможно, изначально при переезде молодой в дом мужа на дугу лошади вешали не полотенце, а рубаху — подарок молодому от его жены [41, с. 70]. Украшение свадебного поезда полотенцами характерно и для других народов Поволжья — русских, марийцев, чувашей [16, с. 121; 38, с. 139, 21, с. 46].

У башкир южных и восточных районов вокруг куска ткани, привязанного к дуге лошади свадебного поезда, разыгрывалась борьба между родовыми группами жениха и невесты, причем использовался покупной материал; его также мог заменить платок [8, с. 40–41].

Отдельный комплекс ритуальных действий был направлен на маркировку нового для невесты дома и состоял в украшении его чистой половины текстилем, входящим в состав приданого молодой. Среди этих декоративных изделий существенное значение у всех групп татар имели полотенца большой длины (4–6 м) с концами, орнаментированными тканым или вышитым орнаментом. Их развешивали в простенках между окон, а с начала XX в. — на зеркала, настенные часы (сергачские), на веревку, протянутую вдоль стен (казанские, лямбирские татары).

До широкого распространения подзоров, изготовленных из покупных материалов (нач. XX в.), короткими полотенцами с орнаментированными концами украшали внутреннее пространство дома: под потолком вдоль передней и боковой стен, вдоль печи, матицы (чепецкие, казанские татары) [11, с. 248; 28, с. 57; 29, с. 83]. Развешивать полотенца могла сама молодая, ее подруги или одна из ее родственниц, например сноха, до переезда или при переселении новобрачной в дом мужа. По окончании свадебных торжеств эти декоративные изделия оставались в доме как украшение. Аналогичная традиция известна различным народам, в частности русским [33, с. 261]. У тюркских народностей использование большого количества орнаментированных тканей в интерьере связано с традициями оформления жилища передвижного типа — юрты или кибитки [11, с. 203, 239; 32, с. 177], а сам ритуал обряжения можно объяснить существованием в прошлом специального свадебного жилища, которое принадлежало невесте и где проходила первая брачная ночь [26, с. 168; 13, с. 82; 24, с. 110, 112].

Завершением бытования полотенца в качестве дара от молодой следует считать одаривание победителя скачек на празднике сабантуй (казанская, пермская, глазовская группы) [36, с. 392]. В некоторых деревнях Заказанья полотенца заменяли рубахой, а также намазлыком или двумя вышитыми носовыми платками [40, с. 37–39]. У глазовских татар в ряде деревень за полотенце молодухи состязались только представители рода ее мужа. Поэтому в конных скачках участвовали представители только тех родов, где появилась молодая, и число наездников определялось количеством полотенца. Таким образом, полотенце здесь выполняет медиативную функцию в коммуникации, происходящей между общиной и ее новым членом. Обращает на себя внимание следующий факт: в тех местах, где бытовала традиция сбора полотенца, мужчины, занимавшиеся этим делом, демонстративно повязывали их на себя [40, с. 48]. По мнению С. И. Руденко, аналогичный татарскому башкирский праздник сабантуй вобрал в себя комплекс свадебных обычаев (включая упомянутый выше обычай борьбы за платок или ткань между принимающей стороной и гостями из соседней деревни), распространенных и до сего времени, в том числе у тюркских народов Средней Азии [32, с. 234, 238].

Подводя итоги, заметим, что полотенце в свадебном цикле татар Поволжья и Приуралья в исследуемый период выступает чаще всего как элемент обмена в ритуалах взаимного одаривания и осуществляет, таким образом, медиативную функцию между родовыми группами жениха и невесты. Этот артефакт также участвует в маркировке особого статуса отдельных персонажей свадьбы и в обрядовом оформлении нового для невесты дома. Причем вторая функция сливается с первой: полотенце для жениха и участников свадебного поезда является одновременно знаком их ритуального статуса.

По мнению исследовательницы мишарей Р. Г. Мухамедовой, у этих групп татар

включение полотенца в состав свадебной обрядности произошло только к концу XIX в. [26, с. 201]. Проведенное исследование подтверждает высказанное предположение и позволяет распространить его и на другие группы татар. Если у славянских народов полотенце выступает как особый свадебный атрибут, многозначный символ и участник ритуального действия [23, с. 79; 16, с. 125], то в татарской брачной традиции роль полотенца более скромная. Символическое, и даже просто самостоятельное значение, орнаментированная ткань приобретала только в отдельных обрядовых актах, таких как сватовство и украшение дома мужа. В составе ритуальных даров оно легко могло быть заменено элементами женского или мужского костюмного комплекса и просто отрезами ткани. Косвенным подтверждением высказанному положению является то обстоятельство, что аналогичные обряды, связанные с одариванием тех ли иных персонажей свадебного действия именно и собственно полотенцами, то есть полотнищами ткани с орнаментированными концами, не характерны для народов Средней Азии, с которыми татары связаны общностью происхождения.

Полотенце не является обязательным элементом в практике дарообмена у финно-угров Поволжья, с которыми татары имеют много общего в культуре благодаря многовековому соседству. Для этих народов наряду с полотенцами характерно использование в качестве подарков других текстильных изделий — предметов одежды (в частности, головных уборов) или просто кусков ткани.

Вероятнее всего, при одаривании мужчин этот предмет пришел на смену рубахе (подарок свекру и другим мужчинам). Факт частого присутствия головных платков в актах дарения женщинам, безусловно, может свидетельствовать об удобстве их использования в обозначенном контексте (сравнительная дешевизна, доступность покупки, отсутствие необходимости подгонять по размеру будущего владельца). В то же время нельзя исключить вариант развития событий, при котором платок пришел на смену женскому полотенчатому головному убору с орнаментированными ткачеством или вышивкой концами (**тастар**). На территории расселения татар-мишарей, касимовских и пермских татар он бытовал практически до начала XX в., когда его начал активно вытеснять фабричный платок. Астраханские татары под упомянутым термином понимали несколько видов головных уборов, в том числе полотенчатый [35, с. 151–152]. Актуализация полотенца как обрядового символа возможно связана с религиозной составляющей свадебного обряда (полотенце для омовений при совершении намаза), имеющего сравнительно позднее происхождение в структуре свадьбы. Основопологающую причину проявления в свадебной обрядности особого статуса исследуемого предмета следует искать в семантике ткани как таковой, а также, вероятно, в знаковых свойствах белого цвета и, соответственно, белых предметов в культуре народов тюркского культурного круга [17, с. 162; 5, с. 148–149; 22, с. 49; 12, с. 113–114], но это предположение требует отдельного самостоятельного изучения.

Список сокращений:

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории;

НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории;

СЭ — Советская этнография;

ЭО — Этнографическое обозрение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.

2. *Авдошкина Н. П.* Полотенце в традиционной культуре мордвы и русских, проживающих на территории Республики Мордовия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. 19 с.
3. *Азизова Н. Р.* Обряды жизненного цикла астраханских (юртовских) татар: социокультурный анализ. М.: Литкон, 2009. 227 с.
4. *Аргынбаев Х.* Свадьба и свадебные обряды у казахов (XIX — нач. XX в.). М.: Наука, 1973. 19 с.
5. Астраханские татары. Казань: ИЯЛИ, 1992. 164 с.
6. *Ахмаров Г.* Свадебные обряды казанских татар. Казань. 1907, 40 с.
7. *Бекмуратова А. Т.* Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус: Каракалпакия, 1970. 117 с.
8. *Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.* Семейный быт башкир XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
9. *Борозна Н. Г.* Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана // СЭ. 1969. № 2. С. 80–86.
10. *Васильева Г. П.* О роли этнических компонентов в сложении свадебной обрядности туркмен // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 324–333.
11. *Воробьев Н. И.* Материальная культура казанских татар. (Опыт этнографического исследования). Казань, 1930. 464 с.
12. *Гаген-Торн Н. И.* Обрядовые полотенца у народностей Поволжья // ЭО. 2000. № 6. С. 103–117.
13. *Гаджиева С. Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – нач. XX в. М.: Наука, 1979. 173 с.
14. *Евсеев М. Е.* Мордовская свадьба // Живая старина. Вып. 2. СПб., 1892. С. 101–103.
15. *Зорин Н. В., Токсубаева Л. С.* Обрядовые функции орнаментальных полотенец у русского населения Среднего Поволжья // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Арх. и этногр. Марийского края. Вып. 11. Йошкар-Ола: НИИЯЛИ, 1987. С. 95–105.
16. *Зорин Н. В.* Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004. 247 с.
17. *Касимова Д. Г.* Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX–XX в.). Ижевск, 2003. 300 с.
18. *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 269 с.
19. *Коблов Я. Д.* Религиозные обряды и обычаи татар магометан (при наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похоронные). Казань, 1908. 46 с.
20. *Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. М.: Изд-во Моск. университета, 1964. 174 с.
21. *Комиссаров Г. И.* Чуваши Казанского Заволжья. Казань, 1911. 212 с.
22. *Лобачева Н. П.* Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хореزمских узбеков) // СЭ. 1981. № 2. С. 36–50.
23. *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984. 215 с.
24. Материалы по этнографии России. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1. 158 с.
25. *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. 111 с.
26. *Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 248 с.
27. Народы Поволжья и Приуралья: Ист.-этногр. очерки. М.: Наука, 1985. 309 с.
28. Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ, 1978. 123 с.
29. Пермские татары. Казань: ИЯЛИ, 1983. 164 с.
30. *Петров И. Г.* Знаково-символические функции одежды и предметов быта в свадебной обрядности чувашей Урало-Поволжья // ЭО. 2008. № 1. С. 145–162.
31. Полевые материалы автора. 2005–2008 гг. (Республика Татарстан, Нижегородская обл., Республика Мордовия).
32. *Руденко П. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
33. Русский народ. Будни и праздники: Энциклопедия. СПб.: Изд-во Азбука-классика. 2003. 557 с.
34. *Сенеев Г. А.* Восточные марийцы. Йошкар-Ола: Марийск. книж. изд-во, 1975. 247 с.
35. *Суслова С. В., Мухамедова Р. Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала. Казань: Фен, 2000. 311 с.
36. Татары: Народы и культуры. М.: Наука, 2001. 583 с.
37. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967, 538 с.

38. Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.
39. Тулвинские татары и башкиры: Этнографические очерки и тексты. Пермь: Институт истории и археологии УрО РАН, Перм. гос. пед. ун-т, 2004. 456 с.
40. Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала: Годовой цикл XIX — начало XX в.: Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2001. 197 с.
41. Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань: Унив. тип., 1844. 131 с.
42. Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX в. Рязань, 2004. 128 с.

REFERENCES

1. Abramzon S. M. Kirgizy i ih jetnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svjazi. Frunze: Kyrgyzstan, 1990. 480 s.
2. Avdoshkina N. P. Polotence v tradicionnoj kul'ture mordvy i russkih, prozhivajuvih na terr. Respubl. Mordovija: Avtoref. dis... kand. ist. nauk. Saransk, 2005. 19 s.
3. Azizova N. R. Obrjady zhiznennogo cikla astrahanskih (jurtovskih) tatar: sociokul'turnyj analiz. M.: Litkon, 2009. 227 s.
4. Argyntbaev H. Svad'ba i svadebnye obrjady u kazahov (XIX – nach. XX v.) M.: Nauka, 1973. 19 s.
5. Astrahanskie tatary. Kazan': IJaLI, 1992. 164 s.
6. Ahmarov G. Svadebnye obrjady kazanskih tatar. Kazan'. 1907, 40 s.
7. Bekmuratova A. T. Byt i sem'ja karakalpakov v proshlom i nastojashchem. Nukus: Karakalpakija, 1970. 117 s.
8. Bikbulatov N. V., Fatyhova F. F. Semejnij byt bashkir XIX- HH vv. M.: Nauka, 1991. 189 s.
9. Borozna N. G. Nekotorye cherty tradicionnoj svadebnoj obrjadnosti uzbekov-durmenov juzhnyh rajonov Tadzhikestana i Uzbekistana // SE. 1969. № 2. S. 80–86.
10. Vasil'eva G. P. O roli etnicheskikh komponentov v slozhenii svadebnoj obrjadnosti Turkmen // Istorija, arheologija i jetnografija Srednej Azii. M.: Nauka, 1968. S. 324–333.
11. Vorob'ev N. I. Material'naja kul'tura kazanskih tatar. (Opyt jetnograficheskogo issledovanija). Kazan', 1930. 464 s.
12. Gagen-Torn N. I. Obrjadovye polotenca u narodnostej Povolzh'ja // EO. 2000. № 6. S. 103–117.
13. Gadzhieva S. Sh. Oчерки истории сем'и и брака у ногайцев. XIX – nach. XX v. M.: Nauka, 1979. 173 s.
14. Evseev M. E. Mordovskaja svad'ba // Zhivaja starina. Vyp.2. SPb., 1892. S.101–103.
15. Zorin N. V., Toksubaeva L. S. Obrjadovye funkcii ornamental'nyh polotenc u russkogo naselenija Srednego Povolzh'ja // Etnografija marijskogo i russkogo naselenija Srednego Povolzh'ja. Arh.i etnogr. Marijskogo kraja. Vyp. 11. Joshkar-Ola: NIIJaLI, 1987. S. 95–105.
16. Zorin N. V. Russkij svadebnyj ritual. M.: Nauka, 2004. 247 s.
17. Kasimova D. G. Semejnaja obrjadnost' chepeckih tatar (seredina XIX–XX v.), Izhevsk, 2003. 300 s.
18. Kisljakov N. A. Sem'ja i brak u tadhikov. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959. 269 s.
19. Koblov JA. D. Religioznye obrjady i obychai tatar magometan (pri narechenii imeni novorozhdenomu, svadebnye obrjady i pohoronnye). Kazan', 1908. 46 s.
20. Kozlova K. I. Etnografija narodov Povolzh'ja. M.: Izd-vo Mosk. univ-ta, 1964. 174 s.
21. Komissarov G. I. Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ja. Kazan', 1911. 212 s.
22. Lobacheva N. P. Svadebnyj obrjad kak istoriko-jetnograficheskij istochnik (na primere horezmskih uzbekov) // SE. 1981. № 2.S. 36–50.
23. Maslova G. S. Narodnaja odezhda v vostochnoslavjanskih tradicionnyh obyčajah i obrjadah XIX – nachala XX v. M.: Nauka, 1984. 215 s.
24. Materialy po jetnografii Rossii. T.3. Vyp.1. L., 1926. 158 s.
25. Molotova T. L. Marijskij narodnyj kostjum. Joshkar-Ola, 1992. 111 s.
26. Muhamedova R. G. Tatary-mishari. Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie. M.: Nauka, 1972. 248 s.
27. Narody Povolzh'ja i Priural'ja.: Ist.-etnogr. oчерки. M.: Nauka, 1985. 309 s.
28. Novoe v jetnograficheskikh issledovanijah tatarskogo naroda. Kazan': IJaLI, 1978. 123 s.
29. Permskie tatary. Kazan': IJaLI, 1983. 164 s.

30. *Petrov I. G.* Znakovo-simvolicheskie funkicii odezhdy i predmetov byta v svadebnoj obrjadnosti chuvashkej Uralo-Povolzh'ja // EO. 2008. № 1. S. 145–162.
31. Polevye materialy avtora. 2005–2008 gg. (Respublika Tatarstan, Nizhegorodskaja obl., Respublika Mordovija).
32. *Rudenko P. I.* Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki. Ufa: Kitap, 2006. 376 s.
33. Russkij narod. Budni i prazdniki: Jnciklopedija. SPb: Izd-vo Azbuka-klassika. 2003. 557 s.
34. *Sepcev G. A.* Vostochnye marijcy. Joshkar-Ola: Marijsk. kn. izdatel'stvo, 1975. 247 s.
35. *Suslova S. V., Muhamedova R. G.* Narodnyj kostjum tatar Povolzh'ja i Urala. Kazan': Fen, 2000. 311 s.
36. Tatory: Narody i kul'tury. M.: Nauka, 2001. 583 s.
37. Tatory Srednego Povolzh'ja i Priural'ja. M.: Nauka, 1967, 538 s.
38. Tojdybekova L.S. Marijskaja mifologija. Joshkar-Ola, 2007. 312 s.
39. Tulvinskie tatory i bashkiry: JEtograficheskie ocherki i teksty. Perm': Institut istorii i arheologii UrO RAN, Perm. gos. ped. un-t, 2004. 456 s.
40. *Urazmanova R. K.* Obrjady i prazdniki tatar Povolzh'ja i Urala: Godovoj cikl XIX – nachalo XX v.: Istoriko-etnograficheskij atlas tatarskogo naroda. Kazan': Dom pechati, 2001. 197 s.
41. *Fuks K. F.* Kazanskie tatory v statisticheskom i etnograficheskom otnoshenijah. Kazan': Univ. tip., 1844. 131 s.
42. *Sharifullina F. L.* Kasimovskie tatory: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie tradicionnoj narodnoj kul'tury serediny XIX – nachala XX v. Rjazan', 2004. 128 s.

Е. А. Съёмщиков

**МЕСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СИБИРИ 1822–1917 гг.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ОКРУЖНЫХ
АДМИНИСТРАЦИЙ СИБИРИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА**

Статья посвящена организационным вопросам функционирования окружных органов и учреждений местного государственного управления Сибири в период складывания единого экономического пространства.

Ключевые слова: окружные органы и учреждения, единое экономическое пространство.

Е. Syemschikov

**SIBERIA LOCAL STATE GOVERNANCE IN 1822–1917 years.
SOME ASPECTS OF SIBERIAN DISTRICT ADMINISTRATION INFLUENCE
UPON THE CREATION OF THE UNITED ECONOMIC SPHERE OF THE REGION**

The article describes the organizational issues of district entities and institutions of local governance of Siberia during the construction of the united economic sphere.

Keywords: district entities and institutions, united economic sphere.

После присоединения Сибири к Московскому царству втягивание окраины в российское экономическое и административное пространство стало важнейшей задачей самодержавия. «Учреждение для

управления Сибирских губерний» 1822 г. явилось первым правовым документом имперского центра, комплексно определившим вопросы политического, административного, социокультурного и хозяйст-